

**КОМПЕНСАЦИЯ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА  
КАК СПОСОБ СУДЕБНОЙ ЗАЩИТЫ ОТ ДИФФАМАЦИИ  
В РОССИИ И АНГЛИИ**

**COMPENSATION FOR NON-PECUNIARY DAMAGE  
AS A WAY OF JUDICIAL PROTECTION AGAINST DEFAMATION  
IN RUSSIA AND ENGLAND**

DOI: 10.31429/20785836-13-1-29-38

**Потапенко Сергей Викторович**

доктор юридических наук, профессор  
декан юридического факультета им. А.А. Хмырова  
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»  
ID ORCID: 0000-0003-3013-5072  
Author ID: 57200339768  
Researcher ID: AAB-5391-2021

**Potapenko Sergey Viktorovich**

Doctor of Law, Professor  
Dean of the Faculty of Law. A.A. Khmyrova  
Kuban State University

**Аннотация:** Диффамационное право зародилось и сформировалось в Англии (Англия и Уэльс). Далее оно получило распространение не только в странах англо-саксонского, но и романо-германского права, включая Россию.

Одним из эффективных гражданско-правовых способов судебной защиты от диффамационных деликтов, направленных на умаление чести, достоинства и деловой репутации, в России является компенсация морального вреда – аналог английских компенсаторных неэкономических убытков (compensatory damages for non-pecuniary harm), присуждаемых за «боль и страдания» (pain and suffering) в виде эмоциональных расстройств (emotional distress).

Цифровая революция принесла с собой новые виды диффамационных деликтов, что стало своего рода триггером для дальнейшего совершенствования диффамационного права, необходимости повышения эффективности судебной защиты от диффамации путем компенсации морального вреда.

Цель: выявить и проанализировать то, в какой степени английское диффамационное право имплементировано российским законодательством, определить наиболее эффективную модель определения размера компенсации морального вреда за диффамацию.

Методы: диалектический, формально-логический и другие общенаучные методы исследования; специально-юридические методы: сравнительно-правовой и формально-юридический.

Выводы: Понятие диффамации тождественно распространению не соответствующих действительности порочащих сведений, а также любых не соответствующих действительности сведений о гражданине, содержащемся в ст. 152 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ).

Владельцы социальных сетей, помимо автора публикации, должны нести гражданско-правовую ответственность за распространение диффамационных сведений как публикатор, не принявший эффективных мер для их своевременного удаления.

В России необходимо законодательно ввести понятие презюмируемого морального вреда, закрепив его размеры в специальной таблице, утверждаемой и ежегодно обновляемой Пленумом Верховного Суда Российской Федерации.

В России следует отказаться от безвиновной компенсации морального вреда за диффамацию (ст. 1100 ГК РФ).

В случае диффамационного деликта в отношении умерших, имевших профиль в социальной сети и получивших вследствие этого публичную проекцию, их наследники вправе предъявлять диффамационные иски и требовать опровержения и компенсации морального вреда.

**Ключевые слова:** диффамация; моральный вред; судебная защита; честь; достоинство; деловая репутация.

**Annotation:** Introduction: Defamation law originated and developed in England (England and Wales). Further, it became widespread not only in the countries of Anglo-Saxon, but also Romano-Germanic law, including Russia.

One of the effective civil law methods of judicial protection against defamatory tort aimed at belittling honor, dignity and business reputation in Russia is compensation for moral damage - an analogue of British compensatory damages for non-pecuniary harm, awarded for "pain and suffering" (pain and suffering) in the form of emotional disorders (emotional distress).

The digital revolution brought with it new types of defamation tort, which became a kind of trigger for further improvement of defamation law, the need to increase the effectiveness of judicial protection against defamation through compensation for moral damage.

Purpose: to identify and analyze the extent to which English defamation law is implemented by Russian legislation, to determine the most effective model for determining the amount of compensation for moral damage for defamation.

Methods: dialectical, formal-logical and other general scientific research methods; special legal methods: comparative legal and formal legal.

Findings:

The concept of defamation is identical to the dissemination of untrue defamatory information, as well as any untrue information about a citizen contained in Art. 152 of the Civil Code of the Russian Federation.

The owners of social networks, in addition to the author of the publication, should bear civil liability for the dissemination of defamatory information as a publisher who has not taken effective measures to remove it in a timely manner.

In Russia, it is necessary to legislatively introduce the concept of presumed moral harm, fixing its size in a special table approved and annually updated by the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation.

In Russia, it is necessary to refuse innocent compensation for moral damage for defamation (Article 1100 of the Civil Code of the Russian Federation).

In the event of a defamatory tort in relation to the deceased who had a profile on a social network and received a public projection as a result, their heirs have the right to file defamation claims and demand refutation and compensation for moral damage.

**Keywords:** defamation; moral injury; judicial protection; honour; dignity; business reputation.

### **Введение**

Цель статьи состоит в том, чтобы выявить и проанализировать проблемы в сфере гражданско-правового регулирования общественных отношений, возникающих в связи с диффамационными деликтами в отношении граждан, причиненным этим моральным вредом и его компенсацией.

### **Методы исследования**

При написании статьи использовались диалектический, формально-логический и другие общенаучные методы исследования; специально-юридические методы: сравнительно-правовой и формально-юридический.

Основным методом исследования является сравнительно-правовой метод, который выявляет положительные особенности и слабые стороны действующего российского законодательства и судебного правоприменения, направленного на противодействие диффамационным деликтам, в сравнении с международными стандартами диффамационного права.

### **Литературный обзор**

Российский цивилист С.А. Беляцкий в изданной в 1913 г. книге «Возмещение морального (неимущественного) вреда»,

обосновывая необходимость закрепления в российском гражданском законодательстве норм о компенсации морального вреда, в качестве позитивного примера приводил решение итальянского суда, где речь шла о случае «денежного вознаграждения при диффамации» [3, с. 33-34].

В советский период под влиянием марксистско-ленинской идеологии институт диффамации категорически отрицался [4, с. 86].

В последние годы научный интерес российских ученых-юристов к диффамационной проблематике возрос, опубликованы статьи о сущности диффамации на примере сравнительного анализа правового регулирования диффамации в Англии, США, Израиле и России [1, с. 36-41], о компенсации морального вреда при диффамации в отношении гражданина, о проблемах гармонизации европейского и российского законодательства о диффамации [9, с. 168-182].

Проблемам диффамации и компенсации неимущественного вреда за нее посвящены ряд публикаций в зарубежных изданиях.

В 2005 г. увидела свет книга Пола Митчела «Создание современного закона о диффамации», где содержится исторический

анализ его развития с XVII в. до наших дней [22, с. 31-52]. Здесь диффамация рассматривается как клевета в письменной и устной форме. Автор считает, что письмо и речь просто кажутся двумя разными способами совершения одного и того же зла. Третья глава книги посвящена убыткам, включая компенсаторные неэкономические убытки как основную форму правовой защиты от диффамации, когда дискредитирующие формулировки были опубликованы. В гл. 6 отмечается, что ответственность за клевету не ограничивается авторами: любое лицо, принимающее участие в доведении клеветнического материала до сведения другого лица, также может нести ответственность.

Значительный интерес представляет статья «Опрокидывание ветряных мельниц: Закон о диффамации 2013 г.», в которой обращается внимание на то, что названный закон, ставший кульминацией четырехлетней политической кампании, направлен на смягчение сдерживающего воздействия закона о клевете на ученых, онлайн-комментаторов, НПО и других. Хотя отмечается, что в названном законе больше внимания следовало уделить средствам правовой защиты (в частности, желательности дискурсивных средств правовой защиты, таких как право на ответ) [23, с. 87–109].

Диффамация проникла и в политическую сферу. Введен в научный оборот термин «политическая диффамация» как направленность действий отдельных СМИ в информационном противостоянии в условиях меняющегося мироустройства [24, с. 265-274].

Markin К.М. в статье, вышедшей 2021 г., обращает внимание на то, что ученые все чаще участвуют в исках о клевете. Иногда они являются ответчиками в спорах о достоверности статей, опубликованных в рецензируемых научных журналах. Он рекомендует, чтобы в отношении журнальных статей суды признавали привилегию научных дебатов, которая появляется в некоторых юрисдикциях [19, с. 1- 31].

В статье А.С. Славко и других, вышедшей в 2020 г., «Защита своей чести, достоинства и деловой репутации в социальных сетях: проблемы и пути их решения» проведен анализ ключевых проблем, которые могут возникнуть в рамках усилий по противодействию диффамации в социальных сетях (например, трудность установления личности ответчика, трудность доказательства злого умысла или необходимость учитывать особый характер общения в

социальных сетях) и необходимость разработки правовых решений и путей преодоления таких проблем [27, с. 205–216].

Проблемам гражданско-правовой судебной защиты от диффамации и компенсации морального вреда посвящены также статьи российских авторов [25, с. 1471-1479] в иностранных изданиях.

Обзор литературы показывает, что как российскими, так и зарубежными авторами проведены исследования правового содержания диффамационного деликта как основания компенсации морального вреда в России и сходных с ним английских компенсаторных неэкономических убытков. Вместе с тем перспектива развития темы видится, в первую очередь, в обосновании дальнейшей имплементации положений английского диффамационного права в российский гражданско-правовой институт защиты чести, достоинства и деловой репутации, особенно в части унификации размеров компенсации морального вреда за диффамацию.

#### **Результаты исследования**

Используемое Европейским Судом по правам человека в его постановлениях понятие диффамации тождественно понятию распространения не соответствующих действительности порочащих сведений, а также любых не соответствующих действительности сведений о гражданине, содержащемся в ст. 152 Гражданского кодекса Российской Федерации<sup>1</sup> (далее – ГК РФ).

Владельцы социальных сетей и других интернет-ресурсов, не являющиеся непосредственными авторами и инициаторами распространения порочащих сведений, однако предоставляющие таковым техническую возможность для их распространения в Сети как информационные посредники должны, помимо автора публикации, нести гражданско-правовую ответственность за распространение диффамационных сведений как публикатор, не принявший эффективных мер для их своевременного удаления.

В России в отличие от Англии размер компенсации морального вреда за диффамацию является не оправдано низким. Поэтому необходимо законодательно принять четко сформулированные критерии и методы оценки презюмируемого морального вреда, закрепив их в специальной таблице, утверждаемой и ежегодно обновляемой Пленумом Верховного Суда РФ.

<sup>1</sup> Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 8 декабря 2020 г. № 427-ФЗ) // Собрание

законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301; 2020. № 50 (часть III). Ст. 8072.

Размер компенсации морального вреда должен находиться в непосредственной зависимости от умысла лица, совершившего диффамационный деликт, как в странах англосаксонского права. В России следует отказаться от безвиновной компенсации морального вреда за диффамацию (ст. 1100 ГК РФ).

В виртуальном пространстве нарушаются права на честь, достоинство и деловую репутацию не только живых, но и умерших людей, имевших профиль в социальной сети и получивших вследствие этого публичную проекцию. Поскольку наносится вред памяти умерших, их наследники вправе предъявлять диффамационные иски и требовать опровержения и компенсации морального вреда.

Приведенные результаты могут быть использованы учеными-юристами для дальнейшего исследования проблем диффамационного права и компенсации морального вреда как способа судебной защиты от диффамации, законодателем для внесения изменений в ГК РФ, а Верховным Судом РФ для уточнения своих правовых позиций по диффамационным спорам в Обзорах судебной практики.

### Научная дискуссия

*Понятие и правовое содержание диффамации.*

Диффамация – это общепринятый в большинстве стран мира юридический термин, под которым понимается правонарушение в виде распространения (произнесение слов или публикация) не соответствующих действительности сведений, порочащих честь, достоинство и деловую репутацию потерпевшего. Российское законодательство вообще не содержит термина «диффамация».

В российском гражданском праве в конце 20-начале 21 в. сформировался институт диффамации, вобравший в себя ряд важных положений английского диффамационного права. В основе этого российского гражданско-правового института лежат традиционные нормы ГК РФ о защите чести, достоинства и деловой репутации, во многом схожие с положениями диффамационного права, закрепленными, например, в Англии законом «О диффамации» (далее - Defamation Act 2013)<sup>2</sup>.

Defamation Act 2013 открывается первым разделом «Требование серьезного вреда», где в

п. 1 указывается, что заявление не является клеветническим, если его публикация не причинила или не может причинить серьезный вред репутации истца.

В п. 2 этого же закона отмечается, что для целей настоящего раздела ущерб репутации организации, торгующей с целью получения прибыли, не является «серьезным ущербом», если только он не причинил или может причинить организации серьезные финансовые убытки.

Решением, вынесенным 13 июня 2019 г. в деле *Lachaux (Respondent) v Independent Print Ltd*, Верховный суд Великобритании установил критерии для признания заявления диффамационным, разъяснив, что заявители должны доказать, что публикация заявления нанесла или может нанести серьезный ущерб их репутации, чтобы подать иск о диффамации против издателя<sup>3</sup>.

Если в Англии, кроме закона, фактическим источником права является судебный прецедент, то в России – это постановления Пленума Верховного Суда РФ и обзоры судебной практики, утверждаемые Президиумом Верховного Суда РФ, по конкретным категориям дел, включая диффамационные судебные споры.

Доктрина судебного прецедента – это одна из важнейших проблем английского, в том числе диффамационного, права, среди источников которого прецеденту принадлежит определяющая роль. Как писал профессор Оксфордского университета Rupert Cross, «каждый суд обязан последовать решению более высокого по положению суда, а апелляционные суды (кроме Палаты лордов) связаны своими прежними решениями» [10, с. 28]. То есть доктрина прецедента направлена на выработку у судей уважения не к любому решению суда, а более высокого или, что оптимально с точки зрения юридической силы, Верховного суда, решения которого устанавливают правовую определенность по конкретным категориям гражданских дел, включая диффамационные споры.

В этой связи можно говорить об определенном сходстве для обеспечения единства судебной практики постановлений Пленума Верховного Суда РФ и утверждаемых им Обзоров судебной практики, с одной стороны,

<sup>2</sup> Defamation Act 2013 Chapter 26. UK Statute Law Database // [www.legislation.gov.uk/ukpga/2013/26/pdfs/ukpga\\_20130026\\_en.pdf](http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2013/26/pdfs/ukpga_20130026_en.pdf) (дата обращения - 9 марта 2021 г.).

<sup>3</sup> *Lachaux (Respondent) v Independent Print Ltd and Another (Appellants)*. The Supreme Court. The Official Website of The UK Supreme Court, [www.supremecourt.uk/cases/uksc-2017-0175.html](http://www.supremecourt.uk/cases/uksc-2017-0175.html). (дата обращения - 10 марта 2021 г.).

и Палаты лордов в качестве английского верховного суда.

В принятом постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 24 февраля 2005 г. № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» (далее – постановление Пленума ВС РФ № 3) специально отмечено, что что «при разрешении споров о защите чести, достоинства и деловой репутации судам следует руководствоваться не только нормами российского законодательства (ст. 152 ГК РФ), но и в силу ст. 1 Федерального закона от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней» учитывать правовую позицию Европейского Суда по правам человека, выраженную в его постановлениях и касающуюся вопросов толкования и применения данной Конвенции (прежде всего ст. 10), имея при этом в виду, что используемое Европейским Судом по правам человека в его постановлениях понятие диффамации тождественно понятию распространения не соответствующих действительности порочащих сведений, содержащемуся в ст. 152 ГК РФ<sup>4</sup>.

Здесь следует оговориться, что еще 1 октября 2013 г. изменена редакция ст. 152 ГК РФ<sup>5</sup>, вследствие чего изменилось содержание диффамационного деликта – он стал включать в себя не только распространение не соответствующих действительности порочащих сведений, но также любых не соответствующих действительности сведений о гражданине. Иными словами, любые, пусть даже не порочащие, но не соответствующие действительности сведения о гражданине, если такой гражданин докажет несоответствие указанных сведений действительности, представляют диффамационный гражданско-правовой деликт, за который предусмотрен полный спектр мер ответственности и защиты, за исключением положений о компенсации морального вреда (п.10 ст. 152 ГК РФ).

К сожалению, названное законодательное изменение до сих пор не нашло отражение в постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 3, которое в неизменном виде существует и применяется российскими судами уже более шестнадцати лет. Поэтому предлагается абз. 5 п. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ

№ 3 изложить в следующей редакции: «Используемое Европейским Судом по правам человека в его постановлениях понятие диффамации тождественно понятию распространения не соответствующих действительности порочащих сведений, а также любых не соответствующих действительности сведений о гражданине, содержащемуся в ст. 152 ГК РФ».

В британском праве диффамация определяется как «распространение третьими лицами сведений, которые при определенных обстоятельствах могут повлечь неблагоприятную оценку личности в глазах окружающих» [20, с.183-204].

Британский ученый-юрист David Mangan отмечает, что диффамация рассматривается как действие, которое уравнивает репутацию и свободу слова; когда этот баланс касается, в частности, соображений свободы слова, которые могут ослабить обращение потерпевшего лица с иском о диффамации [15, с. 4-8].

До 2013 г. Лондон неоднократно называли столицей клеветы во всем мире. Британские суды осуществляли обширную юрисдикцию по диффамационным спорам, что приводило к «клеветническому туризму», когда иск подавался в британский суд лицами, проживающими в других странах. Британские законы о диффамации того времени поэтому представляли серьезную угрозу для средств массовой информации по всему миру [26, с. 233]. С принятием Defamation Act 2013 диффамационные иски, не связанные с Англией не стали приниматься к производству английскими судами.

Британское общее право не допускает возмещение ущерба за оскорбленные чувства и душевные страдания, исходя из того, что душевную боль и беспокойство закон не может оценить. Вместе с тем английское право разрешает возмещение за психическое расстройство, но только в тех случаях, когда было совершено какое-либо другое признанное нарушение, повлекшее за собой душевную боль и беспокойство [17, с. 849-875].

#### *Диффамация в Интернете.*

Как известно, являясь оплотом глобальной свободы выражения мнений, Интернет одновременно может использоваться как средство потенциально безграничной международной диффамации. Интернет стал

<sup>4</sup> Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 февраля 2005 г. № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2005. № 4.

<sup>5</sup> Федеральный закон от 2 июля 2013 г. № 142-ФЗ «О внесении изменений в подраздел 3 раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 2013. № 145.

основной формой коммуникации, поэтому в Великобритании в 2001 г. был принят Закон о диффамации и Интернете [21].

В эпоху цифровой трансформации [28, с. 31-44] такой подход представляется весьма разумным, поскольку диффамационные заявления, размещенные на платформах социальных сетей, нарушая право каждого на частную жизнь, легко и неограниченно широко распространяются.

Всесторонняя цифровизация привела к новым формам диффамационных деликтов. В виртуальном пространстве нарушаются права на честь, достоинство и деловую репутацию не только живых, но и умерших людей, имевших профиль в социальной сети и получивших вследствие этого публичную проекцию. Их наследники вправе предъявлять диффамационные иски и требовать опровержения и компенсации морального вреда.

С другой стороны, социальные сети играют важную роль в информировании людей в современном обществе, вкупе с такими их ключевыми характеристиками, как горизонтальное распространение информации, отсутствие предварительной модерации комментариев пользователей, наличие двусторонней коммуникации, компрометация чести, достоинства.

Применительно к социальным сетям в Англии на основании Закона о диффамации 2013 г. (Defamation Act) применяется «остаточная косвенная ответственность» (residual indirect liability), когда ответственность за диффамационный деликт несет автор комментария, но если он по объективным причинам не может быть установлен, то ответственность переходит на провайдера [13, с. 28–41].

Такая же правовая позиция реализована в российском законодательстве. Владельцы социальных сетей и других интернет-ресурсов, не являющиеся непосредственными авторами и инициаторами распространения порочащих сведений, однако предоставляющие таковым техническую возможность для их распространения в Сети, получили название «информационные посредники» [12, с. 74-94]. По смыслу ст. 10.6 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (в ред. от 29 декабря 2020 г. № 479-ФЗ) «Об информации, информационных

технологиях и о защите информации»<sup>6</sup> они, помимо автора публикации, несут гражданско-правовую ответственность за распространение диффамационных сведений как публикатор, не принявший эффективных мер для своевременного удаления оставленных анонимными пользователями диффамационных сведений.

Адаптация законодателя к цифровому ландшафту произошла и в других развитых странах [16, с. 1–10].

*Компенсация морального вреда за диффамацию.*

Моральный вред в ст. 151 ГК РФ определен как «физические или нравственные страдания». Испытывать такие страдания может исключительно человек, гражданин, личность, но никак не юридические лица, поэтому моральный вред может быть компенсирован только гражданину – обладателю личных неимущественных прав и нематериальных благ.

Развернутое определение понятия «моральный вред» содержится в п. 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 20 декабря 1994 г. № 10 (в ред. от 6 февраля 2007 г.) «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда», где указано, что «под моральным вредом понимаются нравственные или физические страдания, причиненные действиями (бездействием), посягающими на принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона нематериальные блага (жизнь, здоровье, достоинство личности, деловая репутация, неприкосновенность частной жизни, личная и семейная тайна и т.п.), или нарушающими его личные неимущественные права (право на пользование своим именем, право авторства и другие неимущественные права в соответствии с законами об охране прав на результаты интеллектуальной деятельности) либо нарушающими имущественные права гражданина»<sup>7</sup>.

В принятом позже постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 3 специально отмечено, что «компенсация морального вреда определяется судом при вынесении решения в денежном выражении. При определении размера компенсации морального вреда судам следует принимать во внимание обстоятельства, указанные в ч. 2 ст. 151 и п. 2 ст. 1101 ГК РФ, и

<sup>6</sup> Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (в ред. от 29 декабря 2020 г. № 479-ФЗ) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3448; 2021. № 1 (часть I). Ст. 18.

<sup>7</sup> Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20 декабря 1994 г. № 10 «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда» // Российская газета. 1995.

иные заслуживающие внимания обстоятельства. Если не соответствующие действительности порочащие сведения распространены в средствах массовой информации, суд, определяя размер компенсации морального вреда, должен учесть характер и содержание публикации, а также степень распространения недостоверных сведений. При этом подлежащая взысканию сумма компенсации морального вреда должна быть соразмерна причиненному вреду и не вести к ущемлению свободы массовой информации» (п. 15).

Наконец, в п. 37 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2010 г. №16 (в ред. от 9 февраля 2012 г.) «О практике применения судами Закона Российской Федерации "О средствах массовой информации"» указано, что «если распространением в средствах массовой информации сведений были нарушены личные неимущественные права либо другие нематериальные блага лица и ему был причинен моральный вред (физические или нравственные страдания), то это лицо вправе требовать компенсации данного вреда (ст. 151, 1099 ГК РФ). При этом в соответствии с п. 3 ст. 1099 ГК РФ компенсация морального вреда осуществляется независимо от подлежащего возмещению имущественного вреда»<sup>8</sup>.

Такой способ защиты от диффамации как компенсация морального вреда может быть применен судом только в случае, если распространенные сведения не только не соответствуют действительности, но и носят порочащий характер (п. 10 ст. 152 ГК РФ).

С точки зрения способов судебной защиты от диффамации единственное различие между гражданами и юридическими лицами в том, что деловая репутация физических лиц может быть защищена путем компенсации морального вреда, а для юридических лиц такой способ судебной защиты прямо запрещен законом, поскольку юридические лица в отличие от граждан не способны испытывать физические и нравственные страдания, составляющие основное содержание морального вреда.

Д.Е. Богданов предлагает предусмотреть специальный деликт, устанавливающий в России безвиновный стандарт ответственности за вред, причиненный посягательством на цифровой образ человека. По его мнению, целям общей и специальной превенции будет соответствовать презюмирование морального вреда при таких

посягательствах, а также возможность взыскания с деликвента штрафных убытков [2, с. 678–704].

Мы такой подход не разделяем не только в данном случае, но и при диффамации, когда при причинении морального вреда распространением сведений, порочащих честь, достоинство и деловую репутацию, компенсация морального вреда осуществляется независимо от вины причинителя вреда (ст. 1100 ГК РФ).

В отличие от безвиновной ответственности «ответственность на началах виновного вменения предполагает необходимость доказывания в суде не только фактической, но и виновной причастности ответчика к тому ущербу, возмещения которого добивается истец в суде» [18, с. 163–210].

В странах англосаксонского права ответственность за причинение морального вреда при диффамации различается в зависимости от умысла виновного.

В нашем понимании размер компенсации морального вреда должен находиться в непосредственной зависимости от умысла лица, совершившего диффамационный деликт. Поэтому целесообразно внести соответствующую корректировку в ст. 1100 ГК РФ.

В Англии компенсаторные неэкономические убытки (compensatory damages for non-pecuniary harm) соответствуют нашей компенсации морального вреда [5, с. 78–98]. Там выработаны достаточно внятные правовые принципы возмещения убытков и иных компенсационных выплат [7, с. 150–294]. В решениях судов содержится специальный раздел D. Damages. Legal principles (Убытки, правовые принципы), где традиционно указывается, что в тех случаях, когда нет требования о возмещении штрафного или примерного ущерба, цель присуждения возмещения ущерба является компенсационной. Цель, как и во всех деликтных делах, состоит в том, чтобы восстановить истца, насколько это могут сделать деньги, в том положении, в котором он находился бы, если бы клевета не была опубликована. Это требует компенсации ущерба, нанесенного клеветой репутации истца. В тех случаях, когда истец является физическим лицом, он также требует возмещения ущерба, нанесенного его чувствам.

Далее, как правило, приводятся судебные прецеденты по диффамационным спорам, учитываемые при определении размера возмещения вреда<sup>9</sup>.

<sup>8</sup> Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2010 г. № 16 «О практике применения судами Закона Российской Федерации «О средствах

массовой информации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2010. № 8.

<sup>9</sup> Sloutsker v Romanova (Rev 1) // EWHC 2053 (QB). British and Irish Legal Information Institute,



Возмещение ущерба, нанесенного чувствам физического лица, аналогично компенсации морального вреда в российском праве. В решениях английских судов на основе имеющихся прецедентов указывается, что ущерб за нанесение вреда чувствам может быть значительным. Суд должен принять во внимание то, что истец «думает, что другие люди думают о нем»<sup>10</sup>. Ущерб за причинение вреда чувствам может быть смягчен опровержением или извинением.

Карательные убытки имеют черты сходства с комбинированными убытками в английском праве (*aggravated damages*), которые служат цели получения дополнительной компенсации за нравственные страдания, посягательство на достоинство лиц [6, с. 65-87].

В Англии для решения вопросов денежной компенсации причиненного морального вреда действует специальная комиссия, которая применяет Тарифную схему 1994 г., подробно устанавливающую конкретные условия и размеры выплат компенсаций причиненного морального вреда [8, с.9-13.]. При этом такая таблица является регулярно обновляемой с учетом инфляции и судебных прецедентов<sup>11</sup>.

В России по общему правилу формы и размер внедоговорной ответственности устанавливаются только законом. Однако российский закон не определяет меру гражданско-правовой ответственности за диффамацию в виде компенсации морального вреда.

#### Список использованной литературы:

1. Архиреев Н.В. К вопросу о сущности диффамации на примере сравнительного анализа правового регулирования диффамации в Англии, США, Израиле и России // Юрист. 2016. № 16. С. 36- 41.
2. Богданов Д.Е. Технодетерминизм в частном праве: влияние биопринтинга на развитие концепции защиты права на цифровой образ // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. Вып. 50. С. 678–704.
3. Беляцкий С.А. Возмещение морального (неимущественного) вреда. М., 1996.
4. Белявский А.В., Придворов Н.А. Охрана чести и достоинства личности в СССР. М., 1971.
5. Бudylin С.Л. Боль и страдания в странах общего права. Прейскурант или судебная дискреция? // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. № 3. С. 78-98.

Размер присуждаемой компенсации морального вреда за диффамацию в России, к сожалению, на протяжении многих лет остается крайне низким. Наметилась тенденция, когда суды апелляционной и кассационной инстанции снижают размер компенсации, присужденной судом первой инстанции. Очевидна необходимость законодательно принять четко сформулированные критерии и методы оценки размера компенсации морального вреда при диффамации с учетом высказанных предложений российских ученых-юристов. В частности, заслуживает одобрения предложение о введении в правовой оборот понятия презюмируемого морального вреда, т.е. страданий, которые должен испытывать некий «средний», «нормально» реагирующий на совершаемые в отношении него неправомерные действия человек. А.М. Эрделевский предлагает специальную таблицу с размерами компенсации презюмируемого морального вреда [14, с. 64]. Эту таблицу вполне можно принять за основу и доработать с учетом современных экономических и правовых реалий.

#### References:

1. Archireev N.V. On the issue of the essence of defamation on the example of a comparative analysis of the legal regulation of defamation in England, the USA, Israel and Russia // Lawyer. 2016. № 16. Pp.36-41.
2. Bogdanov D.E. Technodeterminism in private law: the impact of bioprinting on the development of the concept of protecting the right to a digital image // Bulletin of Perm University. Legal sciences. 2020. Issue. 50. Pp. 678–704.
3. Belyatskin S.A. Compensation for moral (non-property) harm. M., 1996.
4. Belyavsky A.V., Pridvorov N.A. Protection of the honor and dignity of the individual in the USSR. M., 1971.
5. Budylin S.L. Pain and Suffering in Common Law Countries. Price list or judicial discretion? // Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. 2020. № 3. Pp. 78-98.



6. Гаджиев Г.А. Принципы справедливости и доверия к суду как фундаментальные принципы частного права // Вестник экономического правосудия. 2017. № 4. С. 65-87.

7. Егорова М.А., Крылов В.Г., Романов А.К. Деликтные обязательства и деликтная ответственность в английском, немецком и французском праве: учеб. пос. / Отв. ред. М.А. Егорова. М., 2017.

8. Ибрагимова А.И. Отдельные проблемы определения размера подлежащего возмещению причиненного вреда в российском гражданском праве // Российская юстиция. 2018. № 4. С. 9-13.

9. Кириленко В.П., Алексеев Г.В. Проблемы гармонизации европейского и российского законодательства о диффамации. Lex russica (Русский закон). 2019. № 1 (9). С. 168-182.

10. Кросс Р. Прецедент в английском праве / Руперт Кросс / Под ред. Ф.М. Решетникова. М., 1985.

11. Парыгина Н.Н. Компенсация морального вреда при диффамации в отношении гражданина // Судья. 2018. № 10. С. 24-27.

12. Прохоренко Д.В. Ответственность информационных посредников за диффамацию в сети «Интернет» // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2020. № 27. С. 74-94.

13. Спано Р. Ответственность информационного посредника за комментарии онлайн-пользователя в контексте Европейской Конвенции по правам человека // Международное правосудие. 2017. № 2 (22). С. 28–41.

14. Эрделевский А.М. Компенсация морального вреда. М., 2007.

15. David Mangan. The Relationship Between Defamation, Breach of Privacy and Other Legal Claims Involving Offensive Internet Content (Toronto: Law Commission of Ontario, July 2017).

16. Joyce Daniel. Data Associations and the Protection of Reputation Online in Australia // Big Data & Society, June 2017.

17. Handford P.P.R. Moral Damage in Germany. International and Comparative Law Quarterly. 1978. № 27(4). С. 849-875.

18. Joseph H. King Jr. Pain and Suffering, Noneconomic Damages, and the Goals of Tort Law. 57 SMU L. Rev. 163. 2004 // <https://scholar.smu.edu/smulr/vol57/iss1/8>.

19. Karen M. Markin Libel and the Lab: Scientists and Defamation // Communication Law and Policy. 2021. Vol. 26. С. 1-31.

20. Reform of the Law of Defamation // Current Legal Problems. 1976. Vol. 29. Issue 1. С. 183–204.

21. Matthew Collins. The Law of Defamation and The Internet (3rd. ed.) // Oxford University Press. Inc., USA. 2011.

22. Mitchell Paul. The Making of the Modern Law of Defamation. London // Hart Publishing, 2005. Bloomsbury Collections. Web. 10 Mar. 2021 // <http://dx.doi.org/10.5040/9781472559739>.

23. Mullis Alastair and Andrew Scott. Tilting at Windmills: The Defamation Act 2013 // The Modern Law Review. 2014. Vol. 77. № 1. С. 87–109.

6. Gadzhiev G.A. Principles of justice and trust in the court as fundamental principles of private law // Bulletin of economic justice. 2017. № 4. Pp. 65-87.

7. Egorova M.A., Krylov V.G., Romanov A.K. Delicate obligations and tort liability in English, German and French law: a tutorial / Ed. M.A. Egorova. M., 2017.

8. Ibragimova A.I. Certain problems of determining the amount of damage to be compensated in Russian civil law // Russian justice. 2018. № 4. Pp. 9-13.

9. Kirilenko V.P.P., Alekseev G.V. Problems of harmonization of European and Russian legislation on defamation. Lex russica (Russian law). 2019. № 1 (9). Pp. 168-182.

10. Cross R. Precedent in English law / Rupert Cross / Ed. F.M. Reshetnikov. M., 1985.

11. Parygina N.N. Compensation for moral damage in defamation against a citizen // Judge. 2018. № 10. Pp. 24-27.

12. Prokhorenko D.V. Responsibility of information intermediaries for defamation on the Internet // Journal of the Intellectual Property Rights Court. 2020. № 27. Pp. 74-94.

13. Spano R. Responsibility of the information intermediary for the comments of an online user in the context of the European Convention on Human Rights // International Justice. 2017. № 2 (22). Pp. 28–41.

14. Erdelevsky A.M. Compensation for non-pecuniary damage. M., 2007.

15. David Mangan. The Relationship Between Defamation, Breach of Privacy and Other Legal Claims Involving Offensive Internet Content (Toronto: Law Commission of Ontario, July 2017).

16. Joyce Daniel. Data Associations and the Protection of Reputation Online in Australia // Big Data & Society, June 2017.

17. Handford P.P.R. Moral Damage in Germany. International and Comparative Law Quarterly. 1978. № 27(4). Pp. 849-875.

18. Joseph H. King Jr. Pain and Suffering, Noneconomic Damages, and the Goals of Tort Law. 57 SMU L. Rev. 163. 2004 // <https://scholar.smu.edu/smulr/vol57/iss1/8>.

19. Karen M. Markin Libel and the Lab: Scientists and Defamation // Communication Law and Policy. 2021. Vol. 26. Pp. 1-31.

20. Reform of the Law of Defamation // Current Legal Problems. 1976. Vol. 29. Issue 1. Pp. 183–204.

21. Matthew Collins. The Law of Defamation and The Internet (3rd. ed.) // Oxford University Press. Inc., USA. 2011.

22. Mitchell Paul. The Making of the Modern Law of Defamation. London // Hart Publishing, 2005. Bloomsbury Collections. Web. 10 Mar. 2021 // <http://dx.doi.org/10.5040/9781472559739>.

23. Mullis Alastair and Andrew Scott. Tilting at Windmills: The Defamation Act 2013 // The Modern Law Review. 2014. Vol. 77. № 1. Pp. 87–109.

24. Nikonov S.B., Baichik A.V., Puiy A.S., Labush N.S. Noopolitical Aspect of Political Defamation // European Journal of Science and Theology. 2015. Vol. 11. № 5. С. 265-274.

25. Potapenko S.V. Honor, Dignity and Business Reputation as Objects of the Protective Civil Law Relations in their Judicial Protection Against Defamation // Journal of Advanced Research in Law and Economics [Online]. 2016. № 7.6. С. 1471-1479.

26. Stephen Bates, Libel Capital No More? Reforming British Defamation Law, 34 Hastings Comm. & Ent. L.J. 233. 2012. Available at: [https://repository.uchastings.edu/hastings\\_comm\\_ent\\_law\\_journal/vol34/iss2/3](https://repository.uchastings.edu/hastings_comm_ent_law_journal/vol34/iss2/3).

27. Slavko Anna, et al. Protection of One's Honor, Dignity, and Business Reputation on Social Networks: Issues and Ways to Resolve Them // International Journal of Media and Information Literacy. 2020. Vol. 5. № 2. С. 205–216.

28. Seubert S. & Becker C. The Democratic Impact of Strengthening European Fundamental Rights in the Digital Age: The Example of Privacy Protection // German Law Journal. 2021. № 22 (1). С. 31-44.

24. Nikonov S.B., Baichik A.V., Puiy A.S., Labush N.S. Noopolitical Aspect of Political Defamation // European Journal of Science and Theology. 2015. Vol. 11. № 5. Pp. 265-274.

25. Potapenko S.V. Honor, Dignity and Business Reputation as Objects of the Protective Civil Law Relations in their Judicial Protection Against Defamation // Journal of Advanced Research in Law and Economics [Online]. 2016. № 7.6. Pp. 1471-1479.

26. Stephen Bates, Libel Capital No More? Reforming British Defamation Law, 34 Hastings Comm. & Ent. L.J. 233. 2012. Available at: [https://repository.uchastings.edu/hastings\\_comm\\_ent\\_law\\_journal/vol34/iss2/3](https://repository.uchastings.edu/hastings_comm_ent_law_journal/vol34/iss2/3).

27. Slavko Anna, et al. Protection of One's Honor, Dignity, and Business Reputation on Social Networks: Issues and Ways to Resolve Them // International Journal of Media and Information Literacy. 2020. Vol. 5. № 2. Pp. 205–216.

28. Seubert S. & Becker C. The Democratic Impact of Strengthening European Fundamental Rights in the Digital Age: The Example of Privacy Protection // German Law Journal. 2021. № 22 (1). Pp. 31-44.

## **ЭФФЕКТИВНОСТЬ ЗАЩИТНЫХ МЕХАНИЗМОВ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ В ОТРАЖЕНИИ СОВРЕМЕННОЙ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ**

### **EFFECTIVENESS OF CIVIL RIGHTS PROTECTION MECHANISMS IN THE REFLECTION OF MODERN JUDICIAL PRACTICE**

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта  
№ 20-011-00207

DOI: 10.31429/20785836-13-1-38-45

**Щенникова Лариса Владимировна**  
доктор юридических наук, профессор  
заведующая кафедрой гражданского права  
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»  
ID ORCID: 0000-0002-1972-2287  
Researcher ID: H-3447-2016

**Shchennikova Larisa Vladimirovna**  
Doctor of Law, Professor,  
Head of the Department of Civil Law  
Kuban State University

**Аннотация:** Введение: В работе исследуется вопрос о достаточности сложившейся системы способов защиты гражданских прав, ее практической реализации и эффективности с учетом современной судебной практики.

Цель: Сформулировать предложения по совершенствованию гражданско-правового регулирования системы способов защиты гражданских прав в целях расширения возможностей применения судебной защиты гражданских прав и интересов участников гражданско-правовых отношений.

Методы: Методология исследования основывается на диалектическом методе научного познания. Автором используются общенаучные (анализ и синтез, индукция и дедукция, системный) и